

Полёты от третьего лица

Родос Калимович с утра чистил зубы перед телевизором. По телевизору передавали рецепт бразильского ананасового супа под шинелью с приподнятыми, выдержанными в малиновом соусе, подкладками воротничка. “Каждому нужен ананасовый суп в этом мире!” - утверждал по телевизору криволикий ведущий. В этот самый момент в балкон постучали. Родос Калимович накинул простыню и открыл дверь. На балконе сидел маленький челвечек с фисташками фасеточных глазок и склизским трубчатым хоботком. У челвечка было шесть рук, три ноги и три головы. Когда он начинал говорить, то одна из голов непременно пищала тонюсеньким голоском, вторая говорила вполне внятными интонациями, тогда как третья бабахала, точно подстреленный паровоз! “Здравствуйте!” - сказал челвечек, - “Я - Архивишну Цаях Роуэлт - представляю фирму “Пемба” туннельных Венитруриан, мы основали колонию в канализационных каналах вашего города и сейчас проводим специализированный семинар по внедрению нашей продукции. Сегодня мы рады представить вам наш новый продукт - череп полётов. Череп полётов - это блестящий тренировочный шлем, а для того, чтобы улететь, вам достаточно лишь надеть его на голову и подключиться к сети электропитания. Дальше наш умный шлем всё сам сделает за вас. Дальше вы отправитесь в настоящее путешествие, которое, возможно, будет самым захватывающим в вашей жизни.” С этими словами Венитрурианский агент вручил череп полётов Родосу и, плавно покачиваясь, превратился в апельсин. Апельсин распался на дольки, из него начали распускаться цветы голубых лотосов. “Где же шлем?” - подумал Родос. “Я здесь,” - донеслось из комнаты внезапным тенором. Он направился к двери и обнаружил посередине комнаты средних размеров лося, который моментально превратился в самого Калимовича, зато перед глазами у Родоса откуда-то выросли раскидистые рога. Осознав это, Родос внял сущности происходящего - ходит-то он сам, но видит весь мир глазами лося, а распустив распахнутые крылья махаона, Родос размашисто отправился наперегонки с лосём в сторону полной Луны. Лось, тем временем, заговорил: “Ты что, по-прежнему веришь в реальность, а точнее - реальности? Мы - царство тюрем внутри важных тем, каждый из нас - лось порядка, покуда окружён собственной личностью, а личность ваша есть ваша несвобода, но именно характеристики ваших стенок и определяют умения и способности, являющие критерий измерения степени свободы. Любопытная дилемма: несвобода становится первоисточником измерения свободы, а свобода порождает в вас несвободу, формируя первоначальную основу таковой.”

- Кто ты? - угрюмо спросил тогда Родос.

- Я твой учитель равновесия! - тонко прохрипел лось. - Всякий раз, когда человек порождает учителя равновесия, то лишается какой-то малой части собственного рассудка, наделяя этой частью своего учителя равновесия. Я взошёл или, точнее, снизошёл в твой разум от Вентрурианского черепа полётов. Я - лось, учитель правды, один из высших гуру равновесия и первый из твоих направляющих. Твои линии будут лишь зависеть от того, какого учителя ты себе выберешь. Вот погляди, внизу бушует океан вооружённых отрядов, свершилось вторжение умывальников...”

Родос с лосем приближались к земле - и действительно, вооружённые граблями и вилами умывальники уже вполне успешно попирали пришедшие на помощь отряды видящих толтеков. Маги сражались с умывальниками во всю мощь своей Силы, реальность расходилась гребешками биений астрального пульса вибраций, из ниоткуда материализовывались диковинные животные, гремели небеса и сотрясалась почва, а иллюзии обволакивали непреодолимой пеленой всё возможное поле зрения. Воинствующие умывальники ближнего боя отважно и обворожительно блестели полированными стальными грудинами лат, уворачиваясь от нападков существ иных проекций, ниспосылаемых на отважных умывальников кланом Видящих. А лось, продолжая этот полёт, надёжно и своевременно учил Родоса Калимовича задавать вопросы с другого края.

- Что нужно сделать, дабы магия восприятия толтеков не спасовала перед яркой мощью умывальников? - заставлял задуматься лось.

- Открыть умывальникам глаза и сделать их магами. Тогда они примкнут к стороне, с которой сейчас борются внутри своего неведения, - предположил Родос.

- Во имя Мецтли, ты прав, шаман! - воскликнул лось. - Заставь заядлых врагов обменяться мирами лишь на миг, и они всё поймут и прекратят вражду, поменяй врагов местами на более долгий срок - и они подружатся.

Тут над головой пролетел глобус Юпитера и принялись скользить какие-то малопривлекательно сквозящие булыжники. Родос осознал, что шагает по выжженной дорожке кольца астероидов, продираясь сквозь уменьшенную модель Солнечной системы. Но самым странным было то, что сам Родос чувствовал себя умывальником, в нём кишмя кишила и кипела боевая отвага чуждых сражений, его грудь высоко вздымалась, а в хромированном трубопроводе булькало слегка отрывисто и гулко, как это бывает только у умывальников и только перед битвой. Не оставалось никаких сомнений - Родос Калимович и был умывальником, но он понимал также, что он при этом оставался Родосом Калимовичем, осознавая одновременно

будущность свою умывальником в своей умывальничьей голове, в которой было ещё по умывальнику в голове уже Родоса Калимовича, постигавшего глубины своей умывальничьей сущности, которая, в свою очередь, пыталась постичь глубины сущности Родоса - и так до бесконечности итераций в своей дважды обоюдоострой и возвращающейся, точно советские качели, степени измерений смысла. В ярких солнечных призмах висел под кронами раскидистых древ психомиметический лось, привязанный черепом полётов к металлическим жилам Родоса, точно прыгучий гелиевый шарик - к руке праздничного детсадовца или мицелий гриба-паразита - к податливой и сочной рухляди древесной трухи.

- Умывальник в твоей голове - это твой второй учитель равновесия, а я - это ты и есть, только от третьего лица, - промолвил лось. Умывальник в голове загрохотал жестянками и задал вторую загадку учителей равновесия: “Как в этом мире примирить металл и плоть?” Знание снизошло как бы само собой. Ещё мгновение назад Родос Калимович едва ли вообще понимал, о чём его спрашивает умывальник в его голове, но вдруг через дребезжание в мозжечке и тёплые ласкающие волны в основании шеи и позвоночнике, знание явилось само собой. Родос без тени сомнения ответил: “Надо плоти объяснить её происхождение из стали, а сталь уверить в том, что она - плоть. Можно бесконечно расщеплять тела на составляющие, пока их соединения не станут частью неживой природы. И можно бесконечно совершенствовать машины, пока они, в итоге, не обретут жизнь в форме, возможно, весьма отличной от нашей.” Мир обратился в красочность детства. Вокруг благоухали газоны, цвели пионы, а по тропинкам колесили небольшие рельсовые пароходы под парусами. Родос стоял в коротких штанишках и сандаликах и уже захотел достать из кармана энергетическую мармеладку, как вдруг та преобразилась в ластик, который заговорил: “Я есть ластик сомнения, твой последний учитель равновесия. Ты видишь меня таким, потому что ты и сам во многом по сути своей являешься мной, ластиком сомнения. И если ты ответишь на мой последний, третий вопрос равновесия, то тебе будет предоставлена величайшая наша честь и высшая форма наслаждения. Заманчиво, правда?” От горизонта до горизонта простирались зеленоватые тундровые глаза озёр и чешуйчатые леса. “Как странно, что мне раньше не приходило в голову, что эта кудрявая низкорослая тундра так похожа на исполинскую камбалу”, - пронеслось в голове у Родоса.

- Вот видишь, друг мой, ты уже начинаешь протачивать тайный лаз у Владычицы Иллюзии. Когда ты выйдешь из неё, это будет подобно твоему рождению в Истину. Но для начала скажи мне, любезный, как обрести гармонию и избавить мир от противоречий?

Ничего не ответил Родос, взял лишь свой ластик сомнений и принялся

им тереть мир. От ластика в окружающее пространство вгрызались зеркала самоподобия. В их отражениях можно было уловить отблески далёких солнц, а Вселенная всякий миг пряталась вновь, дабы уравновесить ещё одну стёртую паутинку границ. В конечном итоге, единственное, что осталось вокруг Родоса - это бесконечный зеркальный коридор, окружавший на все триста шестьдесят градусов по шару. Рядом в невесомости висел недовольный и суровый учитель равновесия - ластик. Он возмужал, поправился в толщину, имел по восемь двусторчатых ластв с каждой стороны, и теперь походил уже на какую-то помесь ластика с парой соединённых спинами морских черепах.

- Меня зовут учитель Ласт, - заговорила ластиковая черепаха в голове у Родоса Калимовича. - И ты ответил на мой вопрос неправильно. А правильный ответ - никак, ведь мир и так идеален и гармоничен, иначе он не мог бы существовать. Но неидеальны лишь отдельные его элементы, которые на самом же деле неидеальны только внутри самих себя, провозгласив отражение бытия и существования в себе неидеальными. С позиции чистого равновесия все они, рождённые из Великой Иллюзии, по-прежнему идеальны. Так идеальность и неидеальность обращаются лишь сами на себя и являют абсолютные идеи, порождающие сами себя, да и то - неидеальность изживает себя через самоотрицание, обращаясь в идеальность, тогда как идеальность теряется под валом наката Иллюзии неидеальности. Теперь оба мы безраздельны. Ты израсходовал все основные части своего разума, поэтому все они теперь принадлежат нам, учителям равновесия. Если бы ты смог правильно ответить на мой последний вопрос, то сам бы удостоился по природе вещей величайшего наслаждения и блага - быть учителем равновесия, и сам бы искал себе подобных для порождения других конфигураций учителей равновесия, ибо мы - непоколебимые основы действительности. Мы - сама неизведанная природа вещей! Если бы ты был достаточно силён и разумен, дабы иметь ещё хотя бы одну часть своего разума неизрасходованной на твои третьи лица, то мы отпустили бы тебя с миром. Теперь же от тебя не осталось ничего. Когда попавший в наши сети неверно отвечает на вопрос, то соответствующая учителю равновесия часть его навсегда переходит тому учителю, от которого исходил вопрос. А если же отвечает верно, то за встречу с первозданностью реальности соответствующая часть Силы развеивается в формы проявления природы вокруг. И лишь последний учитель властвует над разумом, ибо лишь он вправе решать, вернуть ли последнюю часть воли разума Страннику. Только обладающий волей разума большей, чем совокупная сила воли разума всех существующих учителей равновесия, способен вырваться из чар Владычицы Иллюзии, ибо таков закон бытия. Если ты владеешь чем-то большим, взятым у природы,

что изначально имел лишь как предрасположенность, то эта часть обратится в тебя, когда закончатся все учителя равновесия. Если ты человек, умеющий смотреть через прорезь мироздания, вечно́й огрех Великой Иллюзии, то ответишь правильно на все вопросы, а разум твой будет состоять только лишь из одних нас, ведь мы и есть ты, а ведающий себя самого - и с частями себя самого совладать справится и сумеет. Не познавший же даже предрасположенностей отдаёт нам всё, ничего не взяв взамен. Каждый из слабых делает своего основного учителя равновесия сильнее, ибо к нему последнему да и переходит вся накопленная сила разума. Я, Ласт, приобрёл силами активов остатков твоего разума новую форму.”

Услышав эти слова, Родос тотчас же растворился. Он был теперь только от третьего лица. Он обретал разнообразные формы, но все формы были ему равномалы и равновелики одновременно, и никакая из них не была ему ближе или дальше. Родоса Калимовича обнаружили на следующее утро сидящим на ковре и созерцающим безумным взглядом точку под стулом. На голове Родоса был надет странного вида шлем. Приехали санитары. Увели Родоса в неизвестном направлении. И больше он ни о чём не говорил. Однако же ошибся учитель Ласт говоря, что Родос проиграл. Ибо кто же Родос сам теперь, как ни учитель равновесия Ласт? Вполне возможно, что и вы когда-нибудь увидите этот отблеск двустворчатой черепахи в себе.

*Белоусов Роман,
10 декабря 2011 года*